

ПОИСК ВАРИАТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ТЕКСТАХ ПЕРЕВОДОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ХИНДИ

VARIABILITY OF TRANSLATION IN LITERARY TEXT (BASED ON THE TRANSLATIONS FROM RUSSIAN INTO HINDI)

I. Gazieva

Summary. The article discusses the problems of variability of the translation of Russian-Hindi literary text. We compare the parallel texts of translation from Tajik into Russian as a mediator language and into Hindi. We wonder what kind of the language standards' translation was used by three translators during transmitting the original text into the target text.

Keywords: comparative text's analysis, variability of translation, Tajik, Russian, Hindi languages.

Газиева Индира Адильевна

*Доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)
indira@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблематика вариативности в переводе художественного произведения и поиске вариативной составляющей в текстах переводов с языка-посредника на русский и язык хинди. Мы предприняли попытку комплексного изучения вариативности в трех переводах повести С. Айни «Одина», осуществленных различными переводчиками с таджикского на русский и с русского на хинди. Для этого исследования проводится сопоставительный анализ текста и переводов на предмет различий предложенных вариантов перевода и типологии ошибок такие как — смысловые искажения, неточности, грамматические ошибки, стилистические ляпы.

Ключевые слова: сравнительный анализ текста, вариативность перевода, нормативность перевода.

Введение

В статье анализируется вариативность в трех переводах повести «Одина» известного таджикского писателя Садриддина Айни (настоящее имя — Садриддин Саид-Муродзода), издававший ее в отрывках в газете «Голос таджика» (Овози Точик), начиная с 1924 года. Повесть была переведена с таджикского языка на русский двумя переводчиками-иранистами — П. П. Введенским и З. Л. Хацревиным, и издана с разницей в один год в 1929 г. и в 1930 г. Жизнь индийского переводчика Рахула Санкритьяяна (имя при рождении — Кедарнатх Пандэй) во многом совпадает с автобиографией Садриддина Айни. Оба писали свои произведения на нескольких языках под псевдонимами, за свои политические убеждения подвергались политическому преследованию и сидели в тюрьмах, боролись за социальные права, за свободу своей страны от рабства и независимость, писали свои воспоминания и были переводчиками. Рахул Санкритьяян считал таджикского писателя Садриддина Айни вторым Премчандом, индийского писателя XIX–XX вв. чьи биографии в некотором смысле были похожи. Премчанд — это псевдоним писателя (настоящее имя — Дханпатрай Шривастав), который был также публицистом, сценаристом, также как и Айни писавшего на двух языках — хинди и урду. Итак, перед

нами два перевода с таджикского подстрочника на русский язык и один с русского на язык хинди:

1. Садрэтдин Айни. «АДИНЭ. Повесть из недавнего прошлого таджикской бедноты». Переводчик Павел Петрович Введенский. Книга была издана в Ташкенте-Самарканде в 1929 году издательством ТаджГИз. Предисловие к переводу С. Ходжанова.
2. Второй перевод на русский язык повести «Одина или похождения бедняка таджика» был издан в Москве-Ленинграде в 1930 году Переводчик Захар Хацревин. Предисловие к переводу Ф. Ходжаева.
3. Рахул Санкритьяян. «Адина». Переводчик Рахул Санкритьяян перевел повесть «Адина» с русского на хинди в 1951 г. и в том же году она была издана в г. Аллахабад, Индия).

В статье мы анализируем параллельные тексты трех переводов, опираясь на статью Голуб Л. Н. по параллельным текстам в переводческой практике, труды Г. Тури по культурно-историческому подходу, работу Ю. Найда по проблемам прагматической адаптации при переводе и работу Л. Венути по анализу перевода, основанной на оппозиции двух стратегий — форенизирующей и доместизирующей.

Наш переводческий анализ осуществляется на основе трех текстов перевода и, в данном случае, мы можем говорить о параллельных разноязычных текстах: русскоязычном, хиндиязычном.

Цель исследования — а) описать нормы перевода, существовавшие в существовавшие в 1920–30-х гг. в СССР в сравнении с нормами перевода 1950-х г.; б) предпринять попытку анализа вариативности в переводах параллельных текстов переводов с таджикского на русский язык, и с русского на хинди повести «Одина» С. Айни, основоположника таджикской советской литературы XX века.

Актуальность данного исследования состоит в изучении малоисследованной области переводческой практики, а именно: (1) перевода на русский язык художественных произведений, написанных на языках народов СССР и (2) использования русского языка как языка-посредника при переводе литературы народов СССР на другие языки мира.

Методология

Использование параллельных текстов необходимо для сопоставления качества переводных текстов. Как отмечает Голуб «Параллельные тексты сопоставляются по разным параметрам: по плану выражения, содержания и текстологическому аспекту, когда сопоставляются существующие редакции оригинала и черновиков, что особенно важно при художественном переводе. Это дает переводчику проследить за авторским развитием мысли, обращая его внимание на элементы оригинального текста, которые необходимо сохранить в переводе, тогда как редактор и переводчик корректируют и отшлифовывают несколько вариантов перевода одного текста в поисках оптимального результата [7, 87]. По мнению Беляева «параллельные тексты необходимы, поскольку на их основе удобно составлять необходимый глоссарий, уяснить контекст употребления того или иного термина, и время, затраченное на поиск необходимого эквивалента, может сократиться» [6, 61].

Известно, что дескриптивное переводоведение предполагает описание перевода без оригинала. В связи с этим, специфика нашего предмета исследования состоит в том, чтобы исследовать переводы как параллельные тексты, минуя оригинал. Инструментом исследования мы выбираем концепцию дескриптивного переводоведения и историко-функциональный метод изучения переводческих норм. Г. Тури рассматривает перевод в социально-культурном контексте. По его мнению, «наиболее важными является конечный продукт, т.е. перевод, и его место в принимающей

культуре. Важно понимать исторический контекст. Если текст признан переводом, то он, вне всякого сомнения, эквивалентен оригиналу» [17, 10]. Также Тури отмечает, что «прежде всего, ответственность за перевод несет сам переводчик. С его помощью он может либо обогатить, либо внести дисбаланс в культурный контекст» [17, 11].

В основе исследования положена проблематика, сформулированная в виде нескольких вопросов: почему два перевода с таджикского на русский язык были выполнены с разницей в один год? С какого из двух русских переводов (Введенского или Хацревина) был осуществлен перевод на язык хинди? Можно ли назвать вариант перевода на язык хинди эквивалентным или адекватным переводам на русском языке 1929–1930 гг.? Сохранены ли при переводах на русский и на хинди стилистические и национальные особенности оригинала? В связи с этим, решаются следующие задачи: 1) сопоставительный анализ трех переводов повести «Одина»; 2) анализ сохранения текста русского перевода при переводе на язык хинди; 3) вариативность в переводах и передача основных элементов художественной формы русского перевода: его лексико-семантический строй, особенность стиля, композиции, ритмика стихотворной речи.

Мы предприняли попытку комплексного изучения вариативности в трех переводах повести С. Айни «Одина», осуществленных различными переводчиками с таджикского на русский и с русского на хинди. Не менее важен анализ адекватности перевода художественного текста на язык хинди с точки зрения его лингвокультурологического, семантического аспектов: т.е. анализ переводов на предмет различий предложенных вариантов перевода и типологии ошибок (смысловые искажения, неточности, неясности, грамматические ошибки, стилистические ляпы, бессознательные ошибки и т.д.).

Результаты

Рассмотрим вариативность переводческих решений в изданиях 1929 г., 1930 г. и 1951 г.:

Имена собственные героев первой главы во всех переводах даются с различными фонетическими вариантами: Адинэ, сын Баба-Калян — Одина, сын Бобо-Калона — Адина, сын Бабакалана; Биби-Айша, дочь Шах-Мурада (Введенский) — биби-Айша, дочь Шо-Мурода («биби» встречается с маленькой буквой) — Биби Аиша, дочь Шах Мурад, нани (уточняется, что это бабушка со стороны матери).

Сравним вариативность в переводах описания поминок отца Одины:

Перевод П. П. Введенского 1929 года:

«Едва только отец Адинэ умер, как в глухую деревушку Каратегинского бекства явились представитель местного казия и муфтий. Они приехали для того, чтобы ввести во владение имуществом малолетнего сына наследника. Пошлины казию, вознаграждение муфтию (сноска № 1 — муфтий — духовное лицо в мусульманском государстве, знаток шариата, имеющий права давать фетву), служебные издержки, особый вид местного налога, так называемый «аш-пули», кормовые помещику — арбабу (сноска № 2 — Арбаб — вообще сановник, вельможа. В кишлаках Узбекистана и Таджикистана так называют крупных баев-землевладельцев, зачастую занимающихся ростовщицеством и сдающих свою землю местным дехканам в аренду на кабальных условиях) и сельскому старосте составили в общей сложности большую сумму и чтобы уплатить ее осталось одно — продать корову. Так и сделали, но покрыть вырученными средствами все расходы не удалось. Пришлось занимать на стороне десять тенег. Но у кого-же? У того же помещика» [1, 7].

Перевод З. Хацревина 1930 г.:

«Кишлак, где они жили, лепился к холодной и одинокой горе на окраине Каратегина (сноска № 1 — Каратегин — горная область бывшей Восточной Бухары, управлявшаяся беками, назначенными эмиром). На рассвете пришла толпа чиновников с деревенским судьей во главе. Муфтий и мулозим (сноска № 2 — муфтий и мулозим — стряпчий и дьячок шариатского (духовного мусульманского) суда), сопровождавшие судью, описали и разделили жалкое имущество отца. Потом они продали корову и взяли себе деньги. Половину денег получил судья за ввод в наследство, за ним следовал муфтий, мулозим и судейские служки, падкие на наживу. И когда Одина отдал последнее серебро за поминки, у него ничего не осталось. В конце концов, Одина остался еще должен местному арбабу (сноска № 3 — буквально помещик — кишлачный староста) десять бухарских танга» [2, 7].

Перевод Р. Санкритьяна 1951 г.:

«Деревня Адины находилась в районе Каратегина. Едва умер отец, кази отправил в его дом муфтия и чапраси для конфискации всего его имущества. Вырученные деньги были распределены так: комиссионные казию, издержки и затраты муфтию, услуги чапраси, деревенскому старосте и аксакалу, а на (разрядка наша: поминальный) обед денег уже не осталось на, так что пришлось продать корову. Однако Адина остался еще и должен 10 танка» [18, 9].

Отметим, что перевод с русского на хинди более короткий, чем русскоязычные версии. Сноски даются в двух русских переводах. Слово «судья» Введенский транслитерирует его с таджикского языка как «казий», Санкритьян в хинди передает как — «кази», поскольку в хинди это слово используется в мусульманском уголовном праве. Хацревин переводит его как — «деревенский судья». Кроме слова «муфтий» Хацревин упоминает и «мулозим» и «дьячок». В переводе на хинди кроме слова «муфти» приводится слово «чапраси» (рассыльный). Место, где родился Адина, во всех трех переводах указан топоним «Каратегин», и только у Введенского уточняется как «деревушка Каратегинского бекства», а у Хацревина и Санкритьяна указывается, что это либо «окраина», либо «район». В переводе Введенского даются две сноски по поводу объяснения должностных лиц в бухарском эмирате — муфтия и арбаба и представители местного казия (судьи). Приводится подробное объяснение в сноске кто такой Арбаб — вообще сановник, вельможа. В этой части повествование положения малолетнего героя Адинэ дается более подробно. Место, где жил Адинэ представлена как «глухая деревушка Каратегинского бекства». «Должностные лица прибыли для «введения во владение имуществом малолетнего сына наследника» и после совершения описи имущества малолетнему Адинэ нужно было заплатить пошлины, вознаграждение, служебные издержки, «аш-пули» — местный налог кормовые этим же должностным лицам — казию, муфтию, помещику арбабу и сельскому старосте». В итоге сирота Адинэ остался еще должен денег арбабу» [2,7]. Таким образом, с детства герой повести попадает в пожизненную кабалу.

В переводе Хацревина даются три сноски и повествование более лаконично без всяких отступлений. Здесь не упоминается слово «казий», но предположительно переводчик провел замену арабского слова на более понятное как «деревенский судья». Первая сноска описывает топоним Каратегин и кишлак, в котором жил Одина, упоминаются как «толпа чиновников, которая пришла на рассвете для описания и раздела жалкого имущества отца». В отношении одолженных денег на похороны отца Адины у Введенского это переводится как «десять тенег», а в переводе Хацревина — «десять бухарских танга», а в переводе на хинди — это «десять танка». В переводе на хинди среди должностных чиновников появляется чапраси, т.е. слуга. В хинди-русском словаре слово *чапраси* имеет еще значение как «туземный полицейский». Понятие «деревенский мукхия» или староста переводчик поясняет, что это — «деревенский староста» или «тюремный смотритель». В отличие от русских переводов, в переводе хинди речь идет о конфискации имущества Адины после смерти отца. Об этом говорит слово хинди "kurki" — «конфискация». Далее упоминается слово "bhoj" что означает «обед, званый ужин, прием,

съестные припасы». Мы считаем, что это возможно речь идет о поминальном обеде или ужине. Об особом налоге «аш-пули» упоминается только в переводе Введенского. В переводе Хацревина он не упоминается, также и в переводе на хинди.

Рассмотрим описание главного героя повести — Одины:

Перевод 1929 г. (Введенский):

«В двенадцать лет Адинэ лишился отца и матери. Отец Адинэ был неимуций бедняк. Он оставил в наследство своему малолетке-сыну одну только коровенку» [1, 7];

Перевод 1930 г. (З. Хацревин):

«Одина сделался сиротой. Ему было двенадцать лет, когда он лишился отца и матери. Убогий бедняк, отец Одины, не оставил своему сыну в наследство ничего, кроме единственной коровы» [2, 7];

Перевод 1951 г. (Санкритьяян):

«Адинэ, в возрасте двенадцати лет стал сиротой, потеряв отца и мать. Его отец был очень бедным и несчастным человеком. Кроме коровы и каких-то вещей, он больше ничего не оставил своему маленькому сыну в наследство» [18, 9].

В переводах Хацревина и Санкритьяяна присутствует слово «сирота». В переводе на хинди «кроме коровы», оставленной в наследство Санкритьяян добавляет и «каких-то вещей». Хацревин не упоминает, что Одина — малолетний сын, как это приводится в переводах Введенского и Санкритьяяна — «малолетка-сын» и «маленький сын».

Исследуемый материал позволяет выделить следующие приемы лексической трансформации, присутствующие во всех трех переводах повести «Адина»: а) лексические замены: генерализация, конкретизация; б) грамматические трансформации: замена формы слова, синтаксические замены в сложном предложении; в) компенсация, добавление в переводах на хинди, опущения в переводе Хацревина. К примеру, в главе «Природная красота» приводится описание девушки-горянки Гюль-биби, возлюбленной Адины, красота которой сравнивается с красотой природы горной местности. П. П. Введенский дает следующий перевод с таджикского на русский: «Ее естественно-нежная, чарующая природная красота резко отличалась от красоты городских девушек, подобно тому, как луга и долины отличаются от садов и парков, сделанных рукой человеческой культуры». В переводе Хацревина, эта часть описана следующим образом: «Она (Гюльбиби) обладает простодушием и покоем природной красоты, она не похожа на городских красавиц, как

луна и горная долина не похожи на городские скверы» [1, 98]. В переводе на хинди Санкритьяяна это предложение выглядит так: «В ней (Гуль биби) было все — и красота и достоинство, но ее красота отличалась от красоты городских девушек, как естественная горная красота отличается от садов, созданных руками людей». Как видим, Введенский применяет конкретизацию — «Ее естественно-нежная, чарующая природная красота», Хацревин — «Она обладает простодушием и покоем природной красоты», Санкритьяян генерализацию — «В ней было все — и красота и достоинство», используя синонимичные слова: «saondarya» — «красота» (слово санскритского происхождения, женского рода) и персидское заимствование «khubiyān» (слово женского рода множественного числа), означающего 1) красота; 2) положительное качество, достоинство. Вот как по-разному приводится описание простой внешности девушки и детализация одежды в трех переводах. Введенский дает генерализацию образа: «Гуль-Биби никогда не носила платьев из парчи, белья из тонкого «фаранги», серег из крупного и мелко жемчуга, ожерелий из чистого золота, браслетов, алмазных колец». Хацревин приводит конкретизацию образа девушки — одежда, украшение на шее, на пальцах и детализацию костюма: «О, Гюль-биби не была разоде́та в шелковые ткани, шитые золотом камзол и французский пояс. Ее шея не была увешена жемчугами и кораллами, на ее пальцах не горели алмазные перстни». В переводе на хинди дается генерализация: «Одежда Гуль биби не была дорогой, а нижнее белье сшито не из ссученной ткани. Ее тело не покрывал парчовый кафтан, а голова не покрыта бархатом. На ее шее не красовались толстые нитки жемчугов с изумрудами, на руках не было браслетов из чистого золота, а на пальцах рубины».

Сравнивая переводы, мы можем отметить, что перевод на язык хинди Р. Санкритьяяном осуществлялся с перевода 1930 года, выдержавшего много переизданий. Повесть «Адина» С. Айни изобилует культурно-национальными реалиями, которые в трех переводах приводятся по-разному. Переводчики с таджикского на русский язык, приводя национально-культурные реалии, дают сноски. В переводе на язык хинди все реалии даются пояснениями в скобках:

1. Перевод Введенского: «Отвесные скалы, покрытые неисчерпаемыми запасами тающих снегов, питают из года в год ряд горных речек. Не подумайте только, что здесь текут огромные реки с пенящимися и шумными водопадами, настоящие «джуйбары». *Журчание этих потоков не громче брэнчания крохотных серебряных колокольчиков, запутавшихся в кудрях молодой красавицы*» [1,10];
2. Перевод Хацревина: «Они (вершины) раскрывали свои потаенные кладовые снегов и питали бесчисленное племя ручейков, мчавшихся в ущелье.

Среди камней и скал заструились потоки живой воды. Эти ручьи непохожи на ручьи долины. Со слабым журчанием, не громче серебряного колокольчика, они стремят свои воды, в *которых не могла бы утонуть даже чахлая придорожная былинка*» [2, 10];

3. Перевод Санкритьяяна: «И не думайте, что это текут огромные ручьи и водопады, быстро спускаясь вниз огромным потоком. Нет, мы не можем даже назвать их ручьями, поскольку это очень маленькие потоки воды, размеры которых не больше, чем соломинка травы, или трилистника, встретившегося на их пути. *Журчание этих потоков не громче шелеста развевающихся на ветру локон таджикской красавицы*» [18, 10].

Сравним описание небольших горных ручейков в трех переводах. Введенский сравнивает их с «джуйбарями»: «Не подумайте только, что здесь текут огромные реки с пенящимися и шумными водопадами, настоящие «джуйбары». Этого слова нет в переводе Хацревина (описание ручьев у него дается весьма лаконично: «Эти ручьи непохожи на ручьи долины») и Санкритьяяна, перевод которого почти совпадает с переводом Введенского: «И не думайте, что это текут огромные ручьи и родники, быстро спускаясь вниз огромным потоком». Можно сказать, что под «джуйбарями» имеются ввиду водопады, поскольку Санкритьяян дает слово “kulaba”, слово арабского происхождения, означающее: скоба; дверной крючок; рыболовный крючок, родник, канава, по которой течет вода».

Описание журчания потоков ручьев по-разному описывается в трех переводах. Введенский переводит сравнением их с «бренчанием серебряных колокольчиков, запутавшихся в кудрях молодой красавицы». В переводе Хацревина также упоминается сравнение журчания воды с «серебряным колокольчиком, в которых не могла бы утонуть даже чахлая придорожная былинка». В переводе Санкритьяяна журчание сравнивается с «шелестом развевающихся на ветру локон таджикской красавицы» и нет упоминания о «серебряных колокольчиках».

Выводы

Итак, в исследовании мы оперировали методом использования параллельных текстов, который оказался весьма актуальным при сопоставительном анализе нескольких переводных текстов. Рассматривая два типа русского перевода повести «Одина» С. Айни, мы можем сказать, что перевод 1929 г., осуществленный П.П. Введенским, является переводом-гlossой [12, 5], поскольку перевод устанавливает точные формальные и семантические соответствия и текст снабжен ссылками и ком-

ментариями. И если брать во внимание переводческие соответствия, то в переводе З. Хацревина применялись такие виды переводческих модификаций, как опущения и изменения в большей мере, чем в переводе Введенского. Мы полагаем, что Хацревин ставил задачу «не столько передать информацию, сколько создать у читателя перевода приблизительно такое же настроение, как и у читателя оригинала» [12, 5]. Введенский в своем переводе стремился максимально передать текст оригинала, соблюсти формальную эквивалентность, оставляя форенизацию (по Венути), приводя много ссылок на семантические и культурные реалии таджикского быта. Хацревин, наоборот, в своем переводе стремился адаптировать оригинал текста к восприятию перевода читателем, сделать его предельно легким для понимания, т.е., согласно Венути, одомашнить или domestizieren иностранный текст.

В ходе анализа обоих переводов с таджикского языка на русский отмечаем отсутствие довольно значительных, касающихся описания природы таджикского края, в котором рос герой повести Одина. В переводе Хацревина (издание 1930 г.) на седьмой странице описание жизни малолетнего героя Адинэ в кишлаке дается более подробно, тогда как повествование о нем в переводе 1929 года более лаконично и без всяких отступлений. Примечательно то, что переводчик П.П. Введенский приводит много сносок при переводе национально-культурных реалий. В переводе же на хинди никаких примечаний или комментариев не обнаружено. Вероятно, публикация повести в 1930 году вышла с сокращениями (возможно редактора), а затем последующие переиздания были дополнены.

В заключении хотелось бы отметить, что в вариантах перевода повести «Одина» П.П. Введенского, З.Я. Хацревина и Р. Санкритьяяна присутствуют следующие нормативные аспекты перевода: эквивалентность как главная составляющая при переводе содержания оригинала, передача жанрово-стилистических особенностей текста оригинала, прагматическая цель перевода для передачи национально-культурных реалий текста оригинала и максимальная близость оригинала к переводу. Переводчики провели попытку адаптировать текст оригинала к собственному стилю перевода при этом сохраняя передачу его культурно-национального своеобразия. В переводе с русского на хинди теряется ритмичность синтаксиса. В тяжеловесных репликах прямой речи в переводе Хацревина зачастую утрачивается чувствительность речи персонажей повести, метафоры и пословицы. Рассматривая анализируемые переводы с точки зрения domestизирующей и форенизирующей стратегий перевода, мы пришли к наблюдению о наличии определенной тенденции склонности переводчиков к выбору domestизирующей стратегии в переводах 1930 г. и 1951 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айни, Садрэддин. Адина. Повесть из недавнего прошлого таджикской бедноты. Пер. с таджикского П. П. Введенского. Предисл. к пер. С. Ходжанова. 2-е издание. Т — С Таджгиз, 1929. 145 с.
2. Айни, Садрэддин. Одина или Похождения бедняка Таджики. Повесть. Пер. с таджикского З. Хацревина. М.-Л., Гос.изд-во, тип. «Красный пролетарий» в Мск. 1930. 141 с.
3. Айни С. Куллиёт. Ч. 8. — Душанбе: Ирфон, 1982.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — Москва, 2010. — 240 с.
5. Газиева И. А. Лингвострановедческий аспект в переводах: на примере повести «Одина» С. Айни. В сборнике: Язык и межкультурная коммуникация // Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Астраханский государственный университет, Кафедра английского языка и технического перевода; Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон». 2017. С. 42–52.
6. Беляев И. А. Нормативная документация как источник наиболее строгой терминологии/ И. А. Беляев// Мосты — 2004 — № 3. — С. 61–69.
7. Голуб Л. Н. Параллельные тексты в переводческой практике //Материалы конференции по переводу и межкультурной коммуникации. Воронеж, 2008. С. 87–91. (PDF)
8. Комиссаров. В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. — 2002. — 424 с. С. 306–314.
9. Муллоджанова З. А. Стиль оригинала и перевод: (К проблеме изучения прозы С. Айни). Издательство «Дониш». Душанбе, 1976. — 360 с.
10. Найда Ю. «Принципы соответствий» (глава из монографии «К науке переводить» //Лингвистические аспекты перевода. Сост. С. Т. Золян, К. Ш. Абрамян. Ереван: Лингва, 2007. С. 4–31.
11. Шахиди, Гульсифат. Сентиментальное путешествие или всему своё время. 2014. [Электронный вариант], Режим доступа: URL: <https://www.proza.ru/2014/09/30/571> Дата обращения 13.04.2019.
12. Санскритьяян Рахул. — Режим доступа: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%8F%D1%8F%D0%BD_%D0%A0%D0%B0%D1%85%D1%83%D0%BB (дата обращения 27.0.2019)
13. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Национально-культурная специфика художественного текста — М. — 1989.
14. Хацревин З. Л. — Режим доступа: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%86%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%BD_%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80_%D0%9B%D1%8C%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
15. Шадрин В. И. Параллельный текст как объект переводоведения //Федоровские чтения. С. Петербург: СПбУ, 2005. С. 450–453. (PDF)
16. Toury, Gideon. Descriptive Translational Studies and Beyond. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 311 pp.
17. Toury, Gideon. Translated Literature: System, Norm, Performance: Toward a TT-Oriented Approach to Literary Translation Poetics Today Vol. 2, No. 4, Translation Theory and Intercultural Relations (Summer — Autumn, 1981), pp. 9–27.
18. Sankrityayan, Rahul. Adina. Kitab Mahal Publishers. Allahabad, India. 2010. — 102 p.
19. Pande Hem Chandra. “Anuvaad me duurii ka siddhaaNt: AvadhaarNaa aor Aayaam/ New-Delhi. — Vol. 16. — 2016. C10–18.
20. Venuti L. The Translator’s Invisibility. A History of Translation. London and New York: Routledge, 1995.

© Газиева Индира Адильевна (indira@rggu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»